

**ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

На правах рукописи

Дударов Абдул-Мажит Муратович

**ПИСЬМЕННОСТЬ
КАК КОМПОНЕНТ ЭТНОКУЛЬТУРЫ ИНГУШЕЙ
(становление и функционирование)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Специальность 07.00.07 — этнография, этнология и антропология.

2015

Работа выполнена в отделе этнографии
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского Научного Центра РАН

Научный руководитель

доктор исторических наук,
М.М. Магомедханов

Официальные
оппоненты

доктор исторических наук,

профессор

доктор исторических наук

Ведущая организация:

Защита состоится _____ 2015 года в _____ часов на
заседании диссертационного совета: _____

С диссертацией можно ознакомиться в

Автореферат разослан _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Письменность как знаковая система предназначена для формализации, фиксации и передачи определенных данных на расстоянии и придания этим данным вневременного характера. Существующее разделение на пиктографическое, идеографическое, слоговое и буквенно-слоговое письмо достаточно условно, так как каждый из указанных типов включает в себя элементы другого.¹ Собственно для фиксации и передачи звукового языка использовались графические знаки.²

Язык служит средством коммуникации внутри этнической общности, что признается сторонниками не только традиционного культурно-исторического и этнографического подхода, но и семиотиками.³ Общие представления человека о реальности не вполне заданы внешними событиями (объективной действительностью). Человек видит и слышит лишь то, к чему его делает чувствительным грамматическая система его языка. Иными словами, сигналы от органов чувств перерабатываются языком в материал для размышлений.⁴ Тем самым через язык задается набор общих понятий и значений, формируются основы этнического мышления и психологии. «Языковая система, хранящаяся в нашем сознании», в определенной степени детерминирует отношение к миру, систему ценностей, ментальные представления и т.д.⁵

Общение людей друг с другом, как в границах этноса, так и на межэтническом уровне, их взаимоотношения, специфика миропонимания, мирочувствования, их деятельность, формируют социально-исторический опыт конкретного этноса. «Язык не существует вне культуры,

¹ Фридрих И. История письма // Пер. И.М. Дьяконова. М., 1979. С. 169.

² Павленко Н.А. История письма. М., 1987. С. 20.

³ См.: Мыльников А. С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: сб.ст. / Отв. ред. А.С. Мыльников. М., 1989. С. 7–37

⁴ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // ПСС в 50т. Т. 42. М., 1974. С. 41–174.

⁵ Whorf B.L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New York: Wiley, 1956. P. 213.

т.е. внесоциально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни». ⁶ В структуре любого языка кроется целый набор неосознаваемых представлений о мире и жизни в нем.

Превращенные формы социально-исторического опыта – духовные ценности, традиции, ритуалы и обычаи, закодированные, прежде всего в устно-поэтических и письменных произведениях, – составляют совокупность основных символических образований, определяющих специфику этнокультуры.

Представляя собой совокупность социокультурных элементов и структур, этническая культура создает пространственно-временное бытие для этноса. «Этнокультура традиционно связана с процессом этногенеза и потому представляет собой культурный опыт, исторически приобретаемый этносом при освоении определенной территории и приспособлении к конкретным природным условиям существования, который кристаллизуется в виде совокупных материальных и духовных ценностей, норм и стереотипов поведения, отражающих внутренние и внешние взаимодействия этноса, необходимых для его полноценной деятельности». ⁷ Системно объединяя все элементы этнокультуры, этнические процессы и их результаты, этнос является одновременно объектом, субъектом и носителем своей этнокультуры как системы взаимодействия. ⁸

При существующих теоретико-методологических подходах к пониманию этнокультуры, ценным в контексте диссертационного исследования является признание системности и семиотичности этого понятия, явившегося результатом историко-культурной практики этноса, посредством которой вырабатывались «способы деятельности», позволяющие адаптироваться «к изменяющимся условиям бытия». ⁹

---

⁶ *Levy-Strauss C.* Tristes tropiques. New York, 1964. P. 60.

⁷ *Узлов Ю.А.* Этнокультура и ее трансформация в современном мире // Теория и практика общественного развития. №1. 2009.

⁸ *Шаваева М.О.* Этнокультура как многофункциональная система взаимодействия // Дис. ... кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 2004.

⁹ *Маркарян Э. С.* Науки о культуре и императивы эпохи // Философские науки. М., 2000. № 2. С. 20.

В этнографическом плане в рамках положения о многообразии культур сохраняет и актуализирует свое значение историческая преемственность социально-культурного опыта этноса.

Конечно, в передаче этнокультурной информации участвуют как вербальные, так и невербальные средства, имеющие знаковое выражение (жесты, мимика, ритуалы, одежда, пища и др.), ведь каждый из «объектов несет какой-либо смысл, значение, информацию».¹⁰ Однако естественный язык играет особую роль в этнокультуре любого народа, поскольку «в реальном историческом функционировании, языки и культура неотделимы: невозможно существование языка (в полномочном понимании этого слова), который не был бы погружен в контекст культуры, и культуры, которая не имела бы в центре себя структуры типа естественного языка».¹¹

Актуальность изучения становления и развития ингушской письменности в контексте этнокультуры вызывается рядом обстоятельств как социокультурного, так и историко-идеологического характера. Принципиально важным для будущего ингушской культуры автор диссертационного исследования считает выявление древних способов сохранения и передачи информации, предпосылок возникновения письменности ингушей, а также включение духовного наследия ингушей в контекст современной культуры человечества.

Представленная работа освещает малоисследованную и чрезвычайно важную и сложную проблему, которая составляет один из центральных вопросов истории любого этноса. Это не только глубокая теоретическая проблема, связанная с общими вопросами этнографии, истории, философии и языкознания. Обладая методологической значимостью, она определяет направления этнографического исследования и его методы.

Исследование формирования письменности как компонента этнокультуры ингушей впервые позволило комплексно проанализировать средства коммуникации ингушских обществ и дать им характеристику,

---

¹⁰ Степанов Т. С. В мире семиотики // Семиотика / Пер. с англ., франц., испан. М., 1983. С. 81.

¹¹ Levy-Strauss C. Tristes tropiques. New York, 1964. P. 60.

начиная с древнейших способов трансляции информации. Актуальность исследованию придают широкий спектр впервые введенных в научный оборот полевых материалов, многочисленных примеров пиктографии (рисуночного письма) и сехмасиографии (письма через символы) горной Ингушетии, доказательств укорененности атрибутов письма и опредмеченного отношения к слову в этническом сознании, а также комплексный, подкрепленный разнообразными историческими свидетельствами, взгляд на культурно-экономический уровень развития древних ингушских обществ.

Объектом исследования является ингушская письменность как базисный компонент этнокультуры ингушей.

Предмет исследования – средства коммуникации (пиктография, сехмасиография, язык, письменность) ингушского народа их становление и функционирование.

Методологические и теоретические основы исследования

В процессе работы над диссертационным исследованием использовался структурно-функциональный метод, позволивший рассмотреть эволюцию развития ингушской письменности на различных исторических этапах; сравнительно-исторический анализ, давший возможность выявить специфику становления и развития письменности ингушей.

В качестве методологической основы исследования выступают принципы познания общественных явлений: историзм как составляющая современной теории социального познания, системность, комплексность, принцип целостности и единство исторического и логического в теоретическом мышлении.

Эти принципы в совокупности создают эффективную и гибкую модель в особенности ретроспективного анализа исторических событий и явлений. Данная модель, в свою очередь, предполагает широкое использование наряду с междисциплинарными методиками и синергетических подходов, которые особенно эффективны при изучении переходных этапов и процессов

действительности, когда повышается роль внешних факторов воздействия на происходящие изменения.

Источниковедческая база исследования

Изучение процесса становления и функционирования письменности потребовало комплексного подхода, выраженного в использовании различных археологических и фольклорных материалов, этнографических источников (полевой материал автора, а также сообщения мемуаров, зафиксированные путешественниками своего времени). Среди письменных источников особой информативностью выделяются свидетельства очевидцев и исследователей, собранные в архивных источниках, научных изданиях и газетных публикациях. Важную информацию содержат также исследования, в которых элементы письменности рассматриваются как подсистемы культуры ингушей в целом. Вещественными источниками исследования послужили материалы письменной культуры ингушей, находящиеся в фондах музеев, в авторских коллекциях, обнаруженные во время полевой этнографической работы. Важное место в исследовании отведено изобразительным памятникам – знакам, чертам, рисункам, петроглифам на архитектурных объектах Ингушетии и надмогильных стелах, которые явились ценным подспорьем в разработке заявленной темы.

Степень научной разработанности проблемы

Исследованию этнокультуры с точки зрения различных дисциплин – философии, социологии, антропологии, психологии – посвящены многочисленные публикации. Общетеоретической философской и культурологической базой исследования являются работы, раскрывающие системность основной проблематики, понятийный аппарат и процессы социального и культурного взаимодействия этнокультурной трансформации, значительно расширившие методологические и концептуальные границы исследования этнокультуры. В связи с этим надо назвать авторов ценных публикаций: А. Кребера¹², С. Клакхона¹³, К. Гирца¹⁴, Е.П. Борзову¹⁵,

---

¹² Кребер А. Природа культуры / Пер. с англ. М., 2004.

¹³ Клакхон К., Николаев В.Г. Культурология. XX век. М., 1998; Клакхон К., Кребер А.Л. Культура: критич. обзор понятий и определений. М., 1952.

А.И. Арнольдова¹⁶, П.А. Сорокина¹⁷, В.В. Сильвестрова¹⁸, Н.А. Бердяева¹⁹, П.С. Гуревича²⁰, Ю.А. Жданова, В.Е. Давидовича²¹, М.С. Комарова²², А.Г. Егорова²³, Г.С. Денисову²⁴, Ф.М. Бурлацкого²⁵, А.С. Ахиезера²⁶, Р.С. Немова²⁷, В.П. Левкович²⁸, З.В. Сикевич²⁹, С.А. Арутюнова³⁰, В.М. Бехтерева³¹, В.М. Межуева³², М.С. Кагана³³.

Ингушская письменность, процесс ее становления и функционирования – одна из малоисследованных как в общетеоретическом, так и в методологическом отношении проблем.

Будучи на стыке нескольких наук – этнографии, истории, лингвистики, философии, исследование ингушской письменности, как и языка вообще, проводилось преимущественно в каком-нибудь одном аспекте. Другой характерной чертой исследований являлось то, что они осуществлялись во многом умозрительным порядком, нередко весьма ограниченно. И, наконец, исследования проводились в основном в контексте политических событий, происходивших в регионе, и, как правило, в рамках исторических и языковедческих работ.

---

¹⁴ Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.

<http://www.worldhist.ru/books/new/Stuff/geerz.htm>

¹⁵ Борзова Е.П. История мировой культуры. СПб., 2007.

¹⁶ Арнольдов А.И. Введение в культурологию. М., 1993.

¹⁷ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согамонова; Пер. с англ. М., 1992; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений // Social & Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, law and Social Relationships / Пер. с англ. В.В. Сапова. СПб., 2000.

¹⁸ Сильвестров В.В. Философское обоснование теории и истории культуры. М., 1990.

¹⁹ Бердяев Н.А. Смысл истории (Опыт философии человеческой судьбы). Париж, 1969.

²⁰ Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994; Гуревич П.С. Культурология XX век. М., 1998.

²¹ Жданов Ю.А., Давидович В.Н. Сущность культуры. Ростов-на-Дону, 1979.

²² Комаров М.С. Введение в социологию. М., 1994.

²³ Егоров А.Г. Социология и культурно-эстетическое развитие общества // Социологические исследования. 1990. № 2.

²⁴ Денисова Г.С. Социальная субъективность этноса. Ростов-на-Дону, 1997.

²⁵ Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.

²⁶ Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России. М., 1992.

²⁷ Немов Р.С. Психология: в 3 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. Изд. 3-е. М., 1998.

²⁸ Левкович В.П. Социально-психологические аспекты этнического сознания // СЭ. 1983. № 4.

²⁹ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.

³⁰ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989; Арутюнов С.А. Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979.

³¹ Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994.

³² Межуев В.М. Проблемы философии культуры. М., 1984; Межуев В.М. Культурология и философия культуры // Культурология сегодня: основы, проблемы, перспективы. М., 1993.

³³ Каган М.С. Философия культуры: становление и развитие. СПб., 1995.

В исследованиях по языкознанию, с опорой на лингвистические особенности нахских языков, определялось, каким этносам родственны ингуши, какие архетипические представления лежат в основе культуры этого народа.³⁴

Особое место в ряду исследований ингушского языка занимает деятельность Григория Цамциева и Фомы Горепекина. В 1846 году Г. Цамциев подготовил «Самоучитель, содержащий в себе разговоры и словарь на Российском и Назрано-Ингушевско-Чеченском языках, составленный служащим в Осетинской Духовной комиссии Благочинным Григорием Цамциевым».³⁵ В июле 1918 года во Владикавказе на съезде депутатов от населения Терской области было объявлено о первом букваре на родном языке, «Искра знания», составленном Ф.И. Горепекиным на основе русской графики.³⁶ Проблема взаимосвязи языка, истории и этнографии чеченцев, ингушей и бацбийцев и отражение происхождения этих народов в их языке раскрыта в работах И.Ю. Алироева и Б.Г. Габисова.³⁷ Современные исследовательские работы акцентируют внимание на исследовании истории развития образования и просвещения в ингушском обществе либо определяют народные основы педагогики.³⁸

---

³⁴ См.: *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; *Мальсагов З.К.* Грамматика ингушского языка. Грозный, 1963; *Нахские языки и культуры.* Грозный, 1978; *Абдоков А.И.* Введение в сравнительно-историческую морфологию абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1981; Сборник трудов по сравнительному языкознанию в Северокавказском регионе: совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М., 1985; *Абдукеримов Н.Н.* Историческая морфология нахского языка. М., 1993; *Климов Т.А.* Современные проблемы кавказского языкознания. Киев, 1994; *Арсмаков Б.И.* Аз и мы. Назрань, 2001; и др.

³⁵ Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, д. 197, л. 1 об.

³⁶ Труды Ф.И. Горепекина. СПб., 2006. С. 133.

³⁷ *Алироев И.Ю.* История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994; *Габисов Б.Г.* Чеченцы и ингуши (проблема происхождения). Грозный, 1991; *Межидов Д.Д., Алироев И.Ю.* Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. Грозный, 1992.

³⁸ *Гудиева Л.Х.-У.* Начальный этап развития образовательного пространства Ингушетии. Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ ЮФУ, 2005; *Гудиева Л.Х.-У.* Развитие культурно-образовательного пространства Ингушетии 1920–1934 гг. Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007; *Гудиева Л.Х.-У.* Общие основы педагогики: в 2 ч. Магас: Изд-во ИнГГУ, 2007; *Гудиева Л.Х.-У.* Развитие образовательного пространства Ингушетии 1868–1940 гг. Назрань, 2008; *Хамчиев С.А.* Ингушская народная педагогика. Назрань, 2004; *Долгиева М.Б.* Общественная мысль и просвещение в Ингушетии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ставрополь, 2007; *Долгиева М.Б.* Культура, общественные мысли и просвещение в Ингушетии во второй половине XIX – начале XX вв. // Россия – Ингушетия: 240 лет вместе. Магас, 2010; *Долгиева М.Б.* Народные знания Ингушетии // Вопросы истории Ингушетии. Вып. 6. Магас, 2007; *Долгиева М.Б.* Мусульманское просветительство в Ингушетии // Научный вестник ИнГГУ. Магас, 2010.

Однако эти работы не посвящены специально нашей проблеме, как правило, ограничиваются XIX–XX вв.

Авторская позиция основывается на трудах отечественных ученых, рассматривающих этнокультуру как ценностно-отобранный и организованный жизненный и профессиональный опыт этноса: С.А. Арутюнов³⁹, Ю.В. Бромлей⁴⁰, Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова⁴¹, И.Л. Савранский⁴². Особый интерес представляют этнологические исследования северокавказских ученых: К. Унежева⁴³, С.И. Аккиевой⁴⁴, М.М. Кучукова⁴⁵, С.И. Эфендиева, Ф.С. Эфендиева⁴⁶, М.М. Зязикова⁴⁷, М.С.-Г. Албогачиевой⁴⁸ и др.

Цель работы и задачи исследования

Цель исследования заключается в раскрытии исторических предпосылок и основных направлений развития письменности ингушей, тенденций совершенствования ее графической структуры и орфографии.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих исследовательских задач:

- рассмотреть древнейшие способы сохранения и передачи информации древнеингушских обществ;
- определить исторические предпосылки возникновения письменности;

---

³⁹ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989; Арутюнов С.А., Маркарян Э.С. Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983; Арутюнов С.А., Абдушелишвили М.Г., Калоев Б.А. Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994; Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. М., 2004.

⁴⁰ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии: этнографическое обозрение. М., 1981; Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Создано человечеством. М., 1984.

⁴¹ Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М.: Наука, 1985.

⁴² Савранский И.Л. Коммуникативно-эстетические функции культуры. М.: Наука, 1979.

⁴³ Унежев К.Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003; Унежев К.Х. История Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик, 2009.

⁴⁴ Аккиева С.И. Ислам в Кабардино-Балкарской Республике / Под ред. проф. А.В. Малашенко. М.: Логос, 2009.

⁴⁵ Кучуков М.М. Нация и социальная жизнь. Нальчик, 1996.

⁴⁶ Эфендиев С.И., Эфендиев Ф.С. Общественная мифология и ее фольклорные связи: фольклор как социокультурный феномен. Нальчик, 2005.

⁴⁷ Зязиков М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону, 2004; Зязиков М.М. На рубеже столетий. М., 2011.

⁴⁸ Албогачиева М. С.-Г. Этнография ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX в. СПб., 2011.

– провести анализ укорененности в народном сознании атрибутов письма;

– дать развернутую характеристику ингушской письменности на основе арабской графики, на основе латиницы и кириллицы;

– раскрыть проблемы совершенствования и реформирования орфографии ингушского языка.

Хронологически данная работа заканчивается серединой XX века. Правомерность такого ограничения в исследовании вполне оправдана тем, что именно в это время завершается сложный процесс официального оформления ингушской письменности на основе кириллицы.

Научная новизна исследования

Научная новизна диссертации определяется отсутствием работ, содержащих объективно-полную характеристику становления и развития письменности ингушей и освещение происходивших в них трансформаций в контексте исторических изменений.

Впервые предпринята попытка комплексного изучения длительного процесса формирования письменности ингушей как компонента этнокультуры. На основе имеющегося фактического материала рассмотрены такие древние формы передачи информации, как мнемоническое и пиктографическое письмо. Показаны исторические предпосылки возникновения письменности и основные этапы становления письменности ингушей на арабской, латинской и кириллической графической основе.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в актуальности исследования становления письменности ингушей, не нашедшей должного освещения в науке. Исследование может также послужить методологическим ключом к выявлению существа ошибок в анализе культурных национальных ценностей, возникших на основе абсолютизации в гуманитарных науках классового подхода.

Отдельные выводы и положения, содержащиеся в исследовании, могут представлять интерес для преподавателей истории и культуры, специалистов,

занимающихся проблемами духовной культуры народов Кавказа. Материалы диссертации могут быть использованы в специальных курсах учебных заведений, на факультативах по проблемам национального возрождения, а также в работе государственных и общественных организаций.

Практическая значимость работы заключена в возможности использования выявленных фактов и представленных выводов при дальнейшей разработке проблем, связанных с реализацией языковой политики в наши дни, подготовке обобщающих и тематических работ по ингушскому языкознанию.

Проведенное исследование может послужить источником для создания лекционных курсов по истории развития ингушского письма и эволюции его графики. Результаты исследования могут быть использованы для подготовки учебных пособий, в процессе преподавания спецкурсов в высших учебных заведениях, при подготовке трудов по краеведению.

Апробация работы

Диссертация обсуждалась на заседании отдела этнографии ИИАЭ ДНЦ РАН и была рекомендована к защите. Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в авторских публикациях и докладах на научно-практических конференциях разных лет.

1. По следам одного предания // Лавровский сборник: Материалы XXXIII Среднеазиатско-кавказских чтений 2008–2009 гг. СПб., 2009. С. 88–93.
2. Дударов А.-М.М. К вопросу об истории ингушской письменности // Лавровский сборник: Материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг. СПб., 2013. С. 32–41.
3. Дударов А.-М.М. Письмо в народном сознании ингушей // Лавровский сборник: Материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг. СПб., 2013. С. 228–233.

4. Дударов А.-М.М. Арабиграфическая письменность ингушей // Ингуши. Серия «Народы и культуры» / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2013. С. 33–37.

5. Дударов А.-М.М. Исламское просвещение и арабиграфическое письмо // Профессиональный проект: идеи – технологии – результаты. Вып. 2 (11). М.; Челябинск, 2013. С. 70–74.

6. Дударов А.-М.М. Билингвизм ингушей – контуры проблемы // Доклад на международной конференции: XXXIX Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 18.05–21.05 2015 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб., 2015.

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, заключения, трех глав и списка использованной литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, раскрываются ее цели, задачи и степень научной разработанности, указываются теоретико-методологические принципы и источниковая база, формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования и положения, выносимые на защиту, определяются хронологические границы, в которых выполнена диссертация.

Первая глава диссертации – «Древнейшие способы сохранения и передачи информации ингушей», – состоящая из двух параграфов – «Графическое письмо» и «Письмо в народном сознании ингушей», посвящена анализу сложного процесса развития средств коммуникации внутри этнической общности, древнейших способов трансляции информации, определению форм передачи и характеристике способов сохранения информации.

Общие представления человека о реальности не вполне заданы внешними событиями (объективной действительностью). Человек видит и слышит лишь то, к чему его делает чувствительным грамматическая система

его языка. Иными словами, сигналы от органов чувств перерабатываются языком в материал для размышлений.⁴⁹ Структурная предопределенность, зависимость мышления и способов познания реальности от языка была рассмотрена еще в 30-е годы XX века. Теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа⁵⁰, несмотря на дискуссионность, открыла научную линию для исследований, сконцентрированных на выявлении взаимосвязи языка и сознания, которая детерминирует определенное отношение к миру, к природе, систему ценностей, ментальные представления и т.д. Ориентация на сохранение изначальных способов установления связи с окружающим миром, постижения универсальных законов микро- и макрокосмоса предопределила особенности этнокультуры ингушей.

Письменность – наиболее яркий показатель изменения культурной организации древнего человека, актуализации абстрагирующих механизмов мышления, выражающихся во множестве знаковых, символических систем.

Широкий спектр знаковых, образных и ритмических графем, которые обнаруживаются почти на всех архитектурных памятниках Ингушетии, предметах бытового и религиозного характера, демонстрируют наличие определенной системы пиктографии. Несмотря на то, что определение семантики графем – самая дискуссионная и далекая от решения научная проблема⁵¹, важным для нас обстоятельством является то, что среди наскальных рисунков, восходящих к самой глубокой древности, широко представлены такие, которые отличаются особенностями, характеризующими письменность.⁵² «Мы можем говорить о письменности в прямом смысле лишь в том случае, если находим два ее признака, а именно: если, с одной стороны, производилось действие рисования в самом широком понимании (начертание знаков, выскабливание, вырубание, нанесение

---

⁴⁹ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // ПСС в 50т. Т. 42. М., 1974. С. 190.

⁵⁰ Whorf B.L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New York: Wiley, 1956. P. 213.

⁵¹ Кабо В.Я. Условность термина «Первобытное искусство» // Мировая художественная культура. Т. 1. Художественная культура первобытного общества. СПб., 1994. С. 214.

⁵² Добльхофер Э. Знаки и чудеса. Рассказы о том, как были дешифрованы забытые письмена и языки. М.: Восточная литература, 1963. С. 30.

зарубок и т.п.), а с другой – преследовалась цель сообщения, причем сообщения или иным лицам, или – для сохранения в памяти – самому пишущему».⁵³

В числе многочисленных фактов графического письма ингушей стоит упомянуть систему знаков на плитах поминальной камеры склепа у с. Эрзи, пиктографы, выбитые «на боевых башнях в с. Эгикал»⁵⁴, на стеле в местечке Пакоч и из селения Верды, которые приближают их к одному из древнехеттских изображений⁵⁵, на склепе в городе мертвых Цой-Педе, имеющие параллели со знаками древнейшей армянской храмовой письменности⁵⁶, и др. Графические композиции – знаковые, образные, ритмические – состоят из различных типов симметричных построений, основанных на бинарных оппозициях. Выбивая на скалах четко определенные группы условных знаков, древние предки ингушей графически фиксировали магические образы, элементы архаических верований, календарно-астрономические циклы, простейшие топографические схемы и др. Всё это символы «очеловеченных» пространства и времени, свидетельства сравнительно сложных отвлеченных представлений, сохраняющихся вплоть до этнографической современности. В числе современных пиктографических находок следует назвать знаковые графемы, обнаруженные на башенном комплексе Мохал в горной Ингушетии.

В сложных типах ритмов, согласующих четные и нечетные группировки как внутри знаковых и образных сюжетов, так и в построенных путем различных сочетаний знаков и образов, в сложных изобразительных композициях зашифровано содержание системы представлений о мире. Выразить логическую сложность этих связей, их типологию и правила согласования была призвана письменность как определенный способ

---

⁵³ Добльхофер Э. Знаки и чудеса. Рассказы о том, как были дешифрованы забытые письмена и языки. М.: Восточная литература, 1963. С. 30.

⁵⁴ Крупнов В.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 188–189.

⁵⁵ См.: Марковин В.И. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 276; Замаровский В. Тайны хеттов. М., 1968. С. 44

⁵⁶ Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979. С. 81; См.: История армянского народа. Ереван, 1951. С. 57; См.: Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргун // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 260.

трансляции человеческих мыслей и чувств, заключающий в себе систему условных средств, предназначенных для фиксации определенной информации с целью ее хранения и передачи во времени и в пространстве.

Исследователями семантики древнего искусства неоднократно подчеркивалось, что каждый отдельный знак-графема может быть адекватно интерпретирован только при наличии достаточно развитого контекста, который актуализирует отдельные значения данного знака.⁵⁷ Проблема сводится к тому, чтобы найти какие-то внутренние для данной целостности основания – контекстные связи, которые бы позволили с большой степенью уверенности постулировать именно такое значение для данного знака из всех возможных. В ряде случаев темы, сюжеты, стилистические особенности наскального искусства Кавказа обращали на себя внимание исследователей.⁵⁸

При анализе широкого спектра знаковых, образных и ритмических графем Ингушетии возможно определение опосредующих связей, ведущих от глубочайшей традиции творчества первобытного населения Евразии к целому ряду характерных особенностей, близких или идентичных в известных комплексах петроглифов.

С учетом того, что под автохтонным населением Центрального Кавказа следует понимать нахоязычных кавказиан⁵⁹ (ингушей, чеченцев и бацбийцев), которых «следует рассматривать как реликт древнейших племен Кавказа, заселявших центральные предгорья Кавказского хребта, по-видимому, еще до эпохи бронзы – в эпоху неолита, а может быть, даже и верхнего палеолита»⁶⁰, – появляется возможность рассматривать факты примитивного письма обозначенного региона, как имеющие отношение к этнокультуре ингушей.

---

⁵⁷ См.: Евсюков В.В. Мифология китайского неолита. Новосибирск, 1988. С. 27.

⁵⁸ Мартиросян А.А., Исраэлян А.Р. Наскальные изображения Гепамских гор. Ереван, 1971. С. 51–53; Котович В.М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976. С. 37; Prolon V.A. Aspects mathématiques dans l'art Préhistorique. Valcamonica Symposium. Brescia, 1970. P. 477.

⁵⁹ Цулая Г.В. Комментарии // Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 43.

⁶⁰ Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 196.

Кроме того, «ингуши сохранили все лингвистические особенности языка, присущие этому древнему этническому массиву»⁶¹, фонетика, морфология, синтаксис и лексика которого дают многочисленные примеры родства с хуррито-урартским, протохеттским и шумерским языками.⁶² Данное обстоятельство открывает перспективы и дает основание для проведения историко-культурных параллелей.

Широкое бытование таких атрибутов письменности, как бумага, печать, книга, письмо, знание, мудрость и др., традиционно уважительное, опредмеченное отношение к слову, выраженное на духовном, мифологическом и бытовом уровнях, красочно иллюстрируют не только уровень культурной организации древнеингушских обществ, но и обладание способами передачи и сохранения информации, которые, возможно, носили изотерический характер.

Во второй главе – «Предпосылки возникновения письменности», состоящей из двух параграфов: *«Исторические связи и уровень развития древнеингушских обществ как объективные условия возникновения письменности»* и *«Становление письменности ингушей через призму религиозного мировоззрения»* – на большом фактическом материале представлены исторические условия возникновения письменности.

В свете рассмотрения разнообразных исторических свидетельств ингушские племена подразумеваются в исторических документах под названием «дзурдзуки», «махелоны», «кусты» / «кисты», «галгаи», «джейраховцы», «назрановцы», «макхалоны», «цори», «ерохане», «калки», «джариехи», «ококи» и др. и являются потомками одних из древнейших коренных обитателей Кавказского перешейка.

---

⁶¹ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 202.

⁶² Браун И., Климов Г. Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков // Тезисы докладов АН Груз. ССР. Тбилиси, 1954. С. 50–51; Джаукян Г.В. Взаимоотношения индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967. С. 216; Котович В.М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный восток в древности: сб.. М., 1983. С. 4; Меликишвили Г.А. Урартские клинописные надписи. М., 1960; Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954; Церетели Г.В. К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской группе языков. Тбилиси, 1953; Чикобава А.С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1965. С. 7; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963; и др.

Исторические факты свидетельствуют о наличии на территории Центрального Кавказа развитых политических образований – царства Махлиев, царства Хон, Аланского царства, царства (княжества) Цанар, многочисленные военные и династические связи которых демонстрируют высокий уровень развития. Развитое товарное и ремесленное производство, товарный обмен, торговля, особенно внешняя, развитие путей сообщения, сношений с другими странами и народами, при которых происходило знакомство и приобщение людей с достижениями в сфере материальной и духовной деятельности других племен, народов, характеризуют экономический и культурный потенциал этих древних политических образований. Внутренние потребности данных образований, как и потребности внешней политики, торговли, ремесла и др., несомненно, объективно вызвали и поддерживали определенные способы передачи и сохранения информации.

Примитивные способы передачи информации при помощи зримых символов возникли прежде всего в контексте необходимости выполнения магических и ритуально-обрядовых действий. Впоследствии письменная фиксация стала близка «к символам божественной власти, была элитарным ритуалом, наполовину орудием власти посвященных».⁶³ Эзотеризм письменности, и вообще знания как такового, отмечается не только в ингушской культуре, но и в культурно-историческом наследии многих других народов. В ранней истории европейских письменных культур были моменты утраты графической письменности или ее исчезновения в силу сознательного сокрытия. Многочисленные фольклорные тексты, предания, легенды и нартские сказания ингушей донесли до нас сведения об эзотерическом знании, обладание которым означало принадлежность к рангу «посвященных» (зираков).

С «письменным» менталитетом ингушей коррелирует и строй самого ингушского языка, включающего сопутствующие письменности понятийные

---

⁶³ Кликс Ф. Пробуждающее мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983. С. 321.

термины. Представления о письме и связанных с ним атрибутах – грамоте, печати, бумаге, книге и т.д. – пронизывают всю традиционную культуру ингушей. Определенное отношение к этим понятиям являлось своеобразным регулятором общественных отношений. Подобное почтительное отношение к слову «широко бытует у многих народов, особенно с архаической культурой. Оно создает условия для объективации слова каким-либо знаком, ведет к системам письма, считающимся предписьменностью».⁶⁴

Третья глава – *«Этапы формирования письменности»* – посвящена определению и характеристике этапов формирования ингушской письменности и состоит из трех параграфов: *«Эволюция арабографической письменности»*, *«Создание письменности на латинской графической основе»* и *«Совершенствование письменности на основе кириллицы»*.

Становление ингушской письменности прошло через арабскую (с XV века до 1923 года), латинскую (с 1923 до 1938 года) и кириллическую (с 1938 года по настоящее время) графические системы.

Исторические события, произошедшие в регионе: в XIII веке – поход монголов на Аланию; конец XIV – начало XV века – походы среднеазиатского завоевателя Тимура Хромого; в 1562 году – поход кабардинского князя Темрюка Идарова, – вызывали миграционные потоки на Кавказе, которые не только существенно изменили картину общественного развития, но и способствовали раннему проникновению ислама в ингушскую среду.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии нескольких путей проникновения ислама: с севера – кочевники и представители различных мусульманских этнических групп, остававшихся после нашествий; с юга – со стороны Грузии, часто оккупированной мусульманскими державами (Ираном и Османской Империей), а также через Дарьял проходили мусульманские миссионеры, послы, караванщики, торговцы и др.; с востока –

⁶⁴ Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. gumer.info/bibliotek_Buks/History/Chesn/20.php (Дата обращения 20.09.2012).

мусульманские богословы-алимы из дагестанских народов: аварцев, андийцев, кумыков и т.д.

Развитая система языческого мировоззрения, близкая к монотеизму с оформившимся пантеоном божеств во главе с верховным богом Дала, уже сформированная в народном сознании, существенно облегчала постижение духовных постулатов мировой религии ислама. Процесс исламизации растянулся на столетия, начало которого следует относить к XV веку, временем же его распространения и укоренения следует признать XVII век.

Установившаяся в науке версия о позднем принятии ислама ингушами (в XIX веке) является произвольной из-за сложившегося в царский и советский периоды приоритета в изучении системы языческого мировоззрения ингушских обществ, несмотря на то что большинство проживавших на плоскостной и предгорной части районов Центрального Кавказа в XVII–XVIII вв. уже исповедовали ислам. В доказательство данному обстоятельству были приведены многочисленные культурные объекты (исторические и языковые документы, археологические находки и графические архитектурные изображения и надписи на надмогильных стелах), попавшие в орбиту данного исследования.

Являясь способом освоения мира и областью духовного производства, а значит, составной частью культуры, религия способствовала развитию определенных ее сторон – грамотности, письменности, книгопечатания, различных видов искусства и т.д. Исторически сложилось так, что именно духовенство было первым распространителем исламской грамотности и, как следствие, просвещения в ингушской среде. Кроме того, наличие определенного интеллектуального потенциала привело к транслитерации ингушского языка на арабографической основе.

Архитектурные памятники и археологические предметы Ингушетии иллюстрируют зачатки формирования собственного письма – черты, резы, петроглифы и графемы, а также попытки использования и приспособления алфавитов других народов – грузинских и арабских. Наибольшее

распространение получили арабские буквы, которые ингуши приспособивали к особенностям фонетики своего языка. Кроме того, шел процесс доработки ингушского письма: для передачи некоторых ингушских звуков были придуманы модифицированные варианты арабских букв. Таким образом, вскоре возник собственно ингушский алфавит на основе арабской графики.

Практически во всех населенных пунктах Ингушетии начиная с XVII века и до конца XIX века при мечетях была создана разветвленная сеть духовных школ – «хъужаре», призванных не только приобщить к религии, но и включить мусульманское знание и арабское письмо в повседневную часть ингушской культуры, аккумулировать их на познавательном уровне и транслировать в понятные всем и общедоступные знания.

Распространенность мусульманского знания и арабографической ингушской письменности охватывала не только обыденную жизнь ингушей (речь, письма, свидетельства о браках и разводах, рекламные проспекты и т.д.), но и научную и культурную сферы (религиозные песни, переводы сунн и аятов из Корана, календарь погоды и т.д.) Кроме того, для арабографической ингушской письменности была характерна легкость в усвоении, богатство по содержанию и максимальное «приспособление арабского алфавита к фонетическим особенностям». ⁶⁵

Задачи народного образования, просвещения, как, впрочем, и другие вопросы развития края, решались в той мере, в какой они отвечали политическим интересам российского самодержавия, а позже и советской власти. Этим интересам не соответствовала «имевшая место на Кавказе арабица». ⁶⁶ Основным являлось налаживание в иноязычном населении русской речи (через графическое и фонетическое слияние отдельных национальных алфавитов), которая стала главным фактором объединения разноплеменного коренного населения.

---

⁶⁵ Аккиева С.И. Формирование новой системы образования на Северном Кавказе в 1920-1930 гг. // Советские нации и национальная политика в 1920-1950 годы. Материалы VI международной научной конференции. М. 2014. С. 265-266

⁶⁶ Там же.

В силу невладения русской речью, а также политической нецелесообразности ингуши, получившие мусульманское образование, не могли стать опорой царской, а впоследствии и советской власти. Такое образование не учитывалось ни в переписях населения, ни в статистических подсчетах, так как грамотность как в царское, так и в советское время определялась по степени владения русским письмом и языком.

Необходимость обладания средством полноценного общения и понимания русской речи в новых политико-экономических условиях царского времени, которое давало возможность дальнейшего существования и развития, вынуждала население искать способы овладения новой грамотой. Знание русского языка придавало ингушу новый статус – причастности к власти, расширяло его возможности в условиях новой жизни. В основном этот процесс происходил искусственно, по мере устройства на ингушских территориях казачьих станиц, строительства кордонных линий, а также расширения пропаганды христианской религии. Так, благодаря деятельности христианских миссионеров Русской Православной церкви (1764–1815), Шотландской миссии (1820–1821), Осетинской духовной миссии (1815–1860), «местное население усвоило некоторые слова, связанные с обрядовыми практиками христианской религии, заимствовало некоторые христианские имена...»⁶⁷

Внедрение письменности на латинской основе в 1923 году – это один из политических шагов, целью которых было полное устранение исламского влияния в ингушской среде. Нуждаясь в светски образованных ингушах для проведения своей политики, российская царская и позже советская администрация предоставляла им преференции в военной или гражданской карьере.

Отдавая предпочтение государственным интересам, среди которых стабильность и управление некой унифицированной исторической

---

⁶⁷ Албогачиева М.С.-Г. Язык как атрибут власти в контексте ингушско-русского билингвизма // Символы, атрибуты и образы власти. СПб.: МАЭ РАН, АНО «Центр информатизации образования "КИО"», 2014. С. 182–201.

общностью – советским народом, власть принимала политические решения, нивелировавшие национальное своеобразие, не согласующееся с имеющимся культурным потенциалом. Интернационализм и ориентация на западный пролетариат, приведшие к победе латинской графики, постепенно уступили место новым идеологическим ориентациям – на русский патриотизм, на идею дать зависимым народам письменность на основе русской графики, что должно было привязать их к России и облегчить русификацию.

Новая идеологическая установка предусматривала обязательное употребление во всех госучреждениях русского языка и давала государственные преференции и льготы ингушам, которые, благодаря своему общественному положению и экономической состоятельности, имели доступ в русские военные и гражданские учебные заведения, либо ингушской интеллигенции, получившей образование в эпоху царизма. Испытывая влияние русской и ингушской культур, норм и ценностей, первая светская национальная интеллигенция, осваивая традиции русской культуры, транслировала в своем творчестве народную философию и культуру русскими словами и понятиями.

Потеря характерных для ингушского языка сложных систем вокализма и консонантизма, невозможность передачи удлинённости и краткости основной части гласных звуков, а также ингушских аффрикат не помешала провести в 1938 году русификацию ингушского языка, так как данное политическое решение не только должно было привязать к России, но и лежало в русле основной государственно-территориальной стратегии – объединения Ингушетии и Чечни. В настоящее время ошибки унификации вылились в отсутствие правильного произношения ингушских слов, они произносятся детьми, подростками и молодежью с «русским акцентом».

В заключении обобщаются основные результаты проведенного исследования.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Выявление фактов примитивного письма (предметного и пиктографического) показало не только его широкую распространенность в материальной культуре ингушей, но и укорененность атрибутов письма в этнокультуре ингушей. Традиционно уважительное, опредмеченное отношение к слову, выраженное на духовном, мифологическом и бытовом уровнях, подтверждает нашу мысль о наличии признаков системы письма, считающейся предписменностью.

2. Исторические факты свидетельствуют о существовании на территории Центрального Кавказа древних государственных образований, многочисленные военные и династические связи которых демонстрируют высокий политический уровень развития. Потребности политических образований региона объективно диктовали необходимость возникновения собственного письма. Учитывая, что ингуши, относящиеся к кавказскому типу, являются древнейшими автохтонами Кавказа, сохранившими все лингвистические особенности языка, присущие этому этническому массиву, необходимо признать, что предки ингушей были знакомы с определенными способами фиксации, сохранения и передачи информации.

3. Следует выделить три этапа процесса становления письменности у ингушей:

- 1) арабографический (с XV века до 1923 года);
- 2) на основе латинской графики (с 1923 до 1938 год);
- 3) на основе кириллицы (с 1938 года по настоящее время).

4. Проведенный анализ свидетельствует о наличии нескольких путей проникновения ислама в ингушскую среду (с севера – со стороны кочевых племен и кабардинцев; с юга – через Грузию; с востока – посредством деятельности богословов Дагестана, а впоследствии и Чечни), а также о способах трансформации и приспособления арабского алфавита к фонетическим особенностям ингушского языка.

5. Распространение ислама в ингушской среде заняло довольно долгий период, укоренение ислама следует относить к XVII веку.

Распространенность религиозного знания охватывала не только обыденную жизнь ингушей (речь, письма, свидетельства о браках и разводах, рекламные проспекты и т.д.), но и научную и культурную сферы (религиозные песни, переводы сунн и аятов из Корана, календарь погоды и т.д.).

6. Формирование мусульманского духовенства, занимавшегося распространением мусульманского знания и арабографической ингушской письменности, привело к образованию грамотной и просвещенной прослойки ингушей. Транслитерация ингушского языка на арабографической основе стала возможна благодаря наличию определенного интеллектуального потенциала.

7. Практика использования латинской графики при фиксировании ингушских звуков была распространена задолго до своего официального оформления. В основном к такому способу фиксирования языковой информации прибегали путешественники и исследователи, изучавшие Кавказ, а также первая ингушская интеллигенция.

В силу политического стремления управлять унифицированным советским обществом в сочетании с первоначальной ориентацией на западный пролетариат советская власть проводит переход языков разных национальностей на латинскую основу. Оформление ингушского языка на основе латинской графики было представлено в 1922 году проектом З.К. Мальсагова. Основным положительным моментом в этом следует назвать возможность полной реализации принципа орфографии – каждая буква получала одно звуковое значение, а сочетание последних изображалось одним способом.

8. Такими же политическими целями диктовалось решение об унификации ингушского и чеченского алфавитов и оформление общего алфавита на основе кириллице, осуществленное в 1934 году, несмотря на имеющиеся существенные расхождения в грамматическом уровне, речевой практике даже в порядке расположения букв. Кроме того, существенными недостатками перехода на кириллицу являлись фонетические искажения

некоторых ингушских звуков (отсутствие передачи удлинённости и краткости основной части гласных звуков, а также аффрикат), утрата специфических так называемых двойных согласных звуков и дифтонгов, усложнённое обозначение некоторых ингушских фонем двумя русскими буквами. Перечисленные недостатки явились причиной усложнения письма и, соответственно, чтения на ингушском языке, что в свою очередь сегодня привело к произношению ингушских слов с «русским акцентом».

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в реферируемых журналах ВАК:

1. Dudarov A.-M. The arabographic script of the ingush. A letter from the front // Manuscripta orientalia international journal. St. Petersburg, 2011. P. 21–27.
2. Дударов А.-М.М. Некоторые аспекты кириллизации ингушского письма // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». № 6 (35). 2013. С. 115–119.
3. Дударов А.-М.М. Некоторые аспекты создания ингушской письменности на латинской графической основе // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». № 1 (36). 2014. С. 144–148.

Монографии

1. Земледелие ингушей (XIX – первая половина XX века). Историко-этнографический очерк. Нальчик, 2015. 223 с.
2. Дударов А.-М.М. и др. К древней и средневековой истории ингушей. Нальчик, 2011. 212 с.
3. Дударов А.-М.М. и др. Глалглай мотт (бейташи фаьлгаши) (Ингушский язык). Нальчик, 2013. 92 с.
4. Дударов А.-М.М. Ингушетия: о набегах, законе и беззаконии. Назрань, 2012. 176 с.
5. Дударов А.-М.М. и др. Шахладат, ламаз, загат, марх, хьажол (пособие для теологических вузов). Назрань, 2005. 340 с.

Статьи и материалы докладов:

1. Дударов А.-М.М. Билингвизм ингушей – контуры проблемы // Доклад на международной конференции: XXXIX Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 18.05–21.05 2015 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб., 2015.
2. Дударов А.-М.М. и др. О военном искусстве ингушей: историческая ретроспектива // Россия и Кавказ в Первой мировой войне 1914–1918 гг.: основные военные кампании, геополитические и социокультурные итоги: сб. тезисов и докладов. Магас, 2014. С. 79–92.
3. Дударов А.-М.М. Война с материальной культурой ингушей // Известия ГБУ ИнгНИИ им. Ч. Ахриева. № 1. Магас, 2014. С. 57–62.
4. Дударов А.-М.М. Порухенные надгробия при депортации – памятники арабографической письменности ингушей // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Сб. материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-Хаджи Белхароева. 22–23 октября 2011 г. Магас; СПб., 2011. С. 270–280.
5. Дударов А.-М.М. Надгробия как часть ингушской истории // Ингушетия: о набегах, законе и беззаконии. Назрань, 2012.
6. Дударов А.-М.М. Поход Темрюка в Ингушетию 1562 года и отражение в героическом эпосе ингушей борьбы против завоевателей // Ученые записки. Серия «Фольклор и этнография». Вып. II. Магас, 2002. С. 67–95.
7. Овсы в древней и средневековой истории Кавказа // Известия ГБУ ИнгНИИ им. Ч. Ахриева. Магас, 2015. С. 35–43.
8. Дударов А.-М.М. К вопросу о путях распространения ислама в Ингушетии // Известия ИнгНИИ ГН им. Ч. Ахриева. № 1. Магас, 2013. С. 216–220.
9. Дударов А.-М.М. Графическое письмо ингушей // Архивный вестник государственного архива Ингушетии. № 9. Назрань, 2013. С. 81–97.

10. Дударов А.-М.М. Об особенностях исламского просвещения среди ингушей // Вопросы истории Ингушетии: сб. ст. ГБУ ИнгНИИ ГН им. Ч. Ахриева, РИ. Магас, 2012. С. 89–93.
11. Дударов А.-М.М. Изновр-молла шеръоттам (Годичный календарь Изновра-муллы). Ученые записки. Серия «Фольклор и этнография». ГБУ НИИ ГН им. Ч. Ахриева, РИ. 2012. Вып. IV. С. 159–162.
12. Дударов А.-М.М. Багахбувцам. Доатг1ой тух. Сеска Солса кхуркхолг. Сеска Солса хьаст. Колой К1анта ший доазув чудерзадар // Ученые записки. Серия «Фольклор и этнография». ГБУ НИИ ГН им. Ч. Ахриева, РИ. 2012. Вып. IV. С. 287–290.
13. Дударов А.-М.М. Исламский центр столицы Республики Ингушетия – Магаса // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Магас: вчера, сегодня, завтра». 10 апреля 2012 г. г. Магас. Сб. статей. Магас, 2012. С. 127–131.
14. Из истории земледелия ингушей // Вопросы истории Ингушетии. Вып. 8. Магас, 2011. С. 119–127.
15. Дударов А.-М.М. О набегах, законе и беззаконии // Геноцид. 20 лет ожидания справедливости: сб. ст. Назрань, 2012. С. 115–168.

Издательство.....

Заведующий редакционно-издательским отделом ...

Верстка....

Сдано в набор ... Подписано в печать...